

По-настоящему Анатолий Дмитриевич разыгрывался только к десятому спектаклю. И от Каратаевой требовалось много сил, душевной теплоты и терпения, чтобы внушить мужу, что он играет достойно.

Папанов был настолько привязан к жене, что без ее участия не читал ни один сценарий. Мнение Надежды Юрьевны он ценил очень высоко, однако сам никогда не просил у режиссеров ролей для супруги. Считал, что это нескромно — ходатайствовать за родственников. Когда дочь вместо Института иностранных языков, куда собиралась, поступила в ГИТИС (родители были на гастролях), Папанов сказал: раз такая самостоятельная, пусть на помощь при трудоустройстве не рассчитывает. И слово сдержал — никаких просьб руководству Сатиры не последовало. А Елену по окончании института приняли в Театр им. Ермоловой. Что касается славы, то к ней Анатолий Дмитриевич относился недоверчиво. Актеру казалось, что его достоинства преувеличивают. "Почему говорят, хорошо сыграл? — искренне удивлялся он. — Обыкновенно сыграл". Папанов чувствовал себя неловко, когда его узнавали на улице. Имея дорогую дубленку, всегда ходил в простенькой курточке, и никакие уговоры жены не могли убедить его одеться поприличнее.

Продолжение в следующей главе...